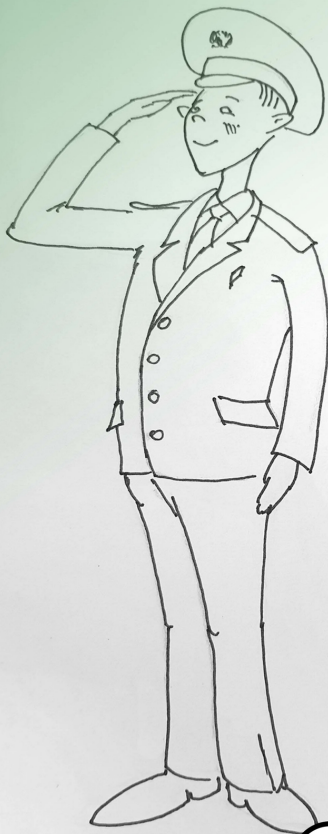

ЗДРАВСТВУЙ, ЗАБВО!

РАССКАЗЫ СОВЕТСКОГО ОФИЦЕРА

АНДРЕЙ БЕРЕЗИН

18+

Андрей Римович Березин

Здравствуй, ЗабВО!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42131005

SelfPub; 2019

Аннотация

Советский Союз, Забайкалье, город Чита. Здесь во второй половине 80-х служил автор этой книги. Об этом времени и училищных годах повествуют рассказы сборника. Юмор и краткость – характерные черты этих армейских былей. Ведь не зря говорится, что кто в армии служил, тот в цирке на смеется!

ЯГАЛА

Километрах в двадцати от столицы советской тогда Эстонии находилось местечко под названием Ягала. Когда-то давно там была баронская мыза, а когда пришли красные, то перешла она в пользование военным ведомствам, финальным аккордом же было открытие здесь в 80-х годах прошлого века высшего военно-политического училища.

Вот тогда и приехали туда абитуриенты со всего Союза и поселились, пока сдавали вступительные экзамены, в армейских палатках расположенных на песчаной поляне в сосновом лесу неподалёку от основной базы отделенной от усадьбы утлым висячим мостиком, соединяющим два берега быстрой речки, тоже носящей название Ягала. Разные там были парни: от вчерашних щуплых школяров до бывалых усатых дембелей прошедших Афган. Первые зубрили вступительные билеты, а вторые бренчали на гитаре с беломоринной в зубах, абсолютно не волнуясь за проходной балл. Были тут и лихие абитуриенты, с первых дней умудряющиеся свалить в самоход за выпивкой и закуской. Один, помню, напившись тройного одеколона, уехал на попутной фуре в противоположную сторону – город Ленинград, вернувшись, однако обратно на следующий день, как ни в чем не бывало.

В общем, лагерь тот был не на много лучше концентрационного, с отвратной едой и жуткими санитарными условиями, сейчас я не подался бы в курсанты ни за какие коврижки! В августе всех поступивших зачислили в училище,

остальные поехали домой. Поступивших после курса молодого бойца ждали тесные солдатские казармы и нерадостные курсантские будни, далекие от романтики офицерской службы.

КАЗАШКИ

Была весна, и уставшие от зимы поля жадно подставляли скупому эстонскому солнцу свои тощие бока. За полями этими находился поселок Кехра, известный своим ЦБК, который нередко выпускал на окрестности едкий кислотный выхлоп. В общем-то, все население поселка состояло из людей, каким-либо образом причастных к работе этого немало для Эстонской ССР предприятия.

Не знаю, кто и как принес эту весть в нашу казарму, но как-то вечером наш товарищ Юрок, по прозвищу Сусик, упитанный парниша с черными курчавыми волосами и влажными глазами самца, которые наливались вожделием уже от вида голой женской коленки, поведал узкому кругу товарищей, что в поселок Кехра прибыла ограниченная партия молодых казашек, то ли набираться опыта у местных заводских аборигенов, то ли передавать его им. Так как Сусик был сильно охоч до женского пола, во время своего рассказа он нетерпеливо дергал ногами и тряс руками. Видно было, что ему очень хотелось проверить, чем таки отличаются уроженки Казахстана от местных эстонских дивчин. Собралось нас человек пять, готовых выдвинуться в выходной день поко-

рять поселок Кехра. У старшины была взята увольнительная в Ягала, и мы с утра пешим порядком тронулись по шоссе.

За часок мы, весело болтая, домаршировали до ЦБК. Далее мнения разделились: одни предлагали для начала бухнуть, чтобы легче было найти нужные слова для успешного знакомства, другие, в первую очередь Сусик, рвались в бой немедля. Так мы и дошли до небольшого стадиончика со скамейками в виде трибуны, а слева стоял деревянный магазинчик типа лобаз. Ну, тогда все ясно, взяли для начала пару тройку пузырей плодово-выгодного вина «unakange» и заслали Сусика на разведку боем в видневшиеся в метрах 300 общаги ЦБК. Радостно всасывая содержимое бутылок, мы глядели в след удаляющемуся мелкой трусцой Сусику. Через какое-то время Сусик показался на возврате, только шаги его были теперь вялые, а взгляд потухший.

– Ну, и, чё, где твои казашки? – спросили мы его.

– Да, хер знает, никого похожего не увидел, а вахтерша старая талापонка может меня и не поняла совсем, – отводя глаза, сказал Юрик.

– Ну, ладно, нам в принципе и так хорошо, – ответили мы и сходили еще за несколькими пузырями и полпалкой докторской колбасы.

Вино сладко входило в свежий курсантский мозг, и жизнь казалась легкой и прекрасной. Решили ждать казашек, или кто попадется, не сходя с точки нашего пикника. На беду проходили только эстонки разных лет по имени Малле, а мо-

жет быть Пилле, но никак непохожие на раскосых уроженок Казахстана. Но нам уже было фиалетово, и мы с гоготом пугали их окриками «Тере тюдрукуд!», а они сразу ускорялись, заведя пьяных «русских золдатов».

После очередной партии напитков стало все пох, а кто-то вообще ушел в себя, притопив на скамейке трибуны. Не знаю что нас сподвигло на обратный путь – чувство долга или страх перед наказанием, но когда начало темнеть, мы двинулись шинелями нараспашку и шапками набекрень. Самыми кривыми были, заливший неудачу горе-мачо, Сусик и, просто сильно закосевший Серега, по прозвищу Мужчина, который плелся в форватере и что-то бормотал о своем, иногда радостно вскрикивая что-то типа «Хай Гитлер». Назад дорога показалась дальше, чем до Пекина раком, и где-то посередине уже в темноте мы стали руками и ногами тормозить проезжающие авто. Наконец повезло, одна остановилась. Это был ГАЗ 66 с выездным патрулем во главе с нашим взводным Толяном, по прозвищу Кардан. Я попытался спрятаться за каким-то столбом, как мне казалось, он должен был меня надежно укрыть, но карающая рука правосудия настигла меня и там. Загрузив нашу нарядную группу в кузов, нас вернули в родную казарму, где выставили перед строем роты под девизом «они позорят наш коллектив». На следующий день вместо казахских баловниц гусары-залетчики снашались с полами и сантехникой ягальской гаупвахты.

Сейчас, иногда проезжая по этой дороге, я снова и снова

вижу нас тогда, идущих в курсантских шинелях по дороге, освещаемой лучами заходящего прибалтийского солнца.

КАМНИ

Помню, много полей было вокруг Ягала, а на полях тех было немерено камней. Каждый год худая прибалтийская земля снова и снова выплевывала их из своего древнего чрева. Убирали их уже столетиями – и до и после посевной, но каждый год они появлялись, словно подземные захватчики, наступающие на грядущий урожай. Вот и нас, курсантов, нередко бросали на борьбу с этими «захватчиками», используя бесплатный труд подневольных людей в погонах. Были, правда, в этих выездах свои маленькие радости, такие как сытный обед в колхозной столовой, краткий послеобеденный сон в близлежащей рощице и употребление местных плодово-выгодных вин и портвейнов, в случае отсутствия отцов–командиров. Поездка за этим каменным урожаем так и называлась «на камни».

Очередной раз это было как-то ранней осенью аккуратно после сбора урожая. Погрузился наш взвод в присланный за нами колхозный «пазик» с обшарпанными сиденьями и аутентичным запахом навоза и солярки. Петляя по узким сельским дорожкам, он довольно быстро домчал нас до колхозных полей, уходящих между лесами за горизонт. Ехавший с нами пожилой эстонец в выдавшем виды пинжаке, одетом поверх свитера, и традиционной кепке-бейсболке с надпи-

сью «Tallinn 80», на покрытой особого цвета и вечным колхозным загаром голове, по-хозяйски глянул сначала на спешившийся с автобуса взвод, а потом на поле и сказал:

– Сначала пуутом немноошко стеесь уппирать эти курради каамни, а потом пуутом немнооошко куусат. Воот таак, паарни. Вот отсюуда, от меняя, и то тогоо столпаа пуу-тем упоорка теелать.

Причем «от меняя и то тогоо столпаа» было метров так 300–400, что совсем не радовало наш взор. Кто-то сразу спросил ближе к делу:

– А где здесь, э-э-э, магазин?

– Таалеко сейчас, а потом колхоос приееетем, пууетет плииско, куррат, – ответил эстонец и стал руководить уборкой камней.

Поднятые с земли камни мы складывали холмиками, которые потом планировалось увозить на тракторе с прицепом. Работа была нелегкая, камни грязные и тяжелые. Пару часов максимум, и спину не разогнуть, и ноги подгибаются, идешь к леску и падаешь как сраженный вражеской пулей! Хочется в мечтах прохладного пива и мягкий диван. Наконец пришло время обедать, на том же автобусе усталых «батраков поневоле» везут в поселок, где в столовой будет обед. Берем подносы и в очередь. За раздачей полная тетя, они, эти местные тети в эстонских селах, все обычно на одно лицо, словно высеченное из гранитного валуна – невозмутимы и лишены эмоций, и зовут их тоже одинаково – Малле или Пилле.

– Есть сасииски, котлетид, капсас и картулид, – повторяет перед очередным »батраком» тетя Малле и щедро накидывает порцайку.

Поскольку недалеко от столовой находился местный магазинчик, то самые проворные уже успели купить кто пива, а кто бормотухи под названием «Буна Канге» за один рубль тридцать копеек. На сытый желудок становится веселее, да и выпить хочется, какая теперь работа?! После обеда еще заход в магазин, и «боекомплект» полон. Купленные бутылки, словно у фокусника, мгновенно исчезают в карманах и за пазухой, будто их и не было. «Пазик» с одним водилой без бригадира везет нас назад на поле, которое становится вскоре местом пикника, половина взвода делает вид, что работает, а вторая половина в это время совершает бросок к лесополосе, где вкушает запретную жидкость, и так до отъезда. После нескольких пересменок несколько человек так и остаются на поле боя, словно павшие в неравном бою с «лесными братьями» герои–красноармейцы. К вечеру трезвыми остаются только трусы и убежденные трезвенники, скорей всего умело сочетающие в себе оба этих качества, всего человека четыре из двадцати пяти. Приходит время возвращаться в родную казарму, большинство, как говорится, «не в форме». Как грузились в автобус и ехали до училища, мало кто помнит, хотя вспоминается потом долго и даже переходит в разряд ротного эпоса: как пьяные шли строем до родной казармы, как стояли шатаясь и делая трезвый вид на вечерней по-

верке. А командиры не знали казнить хмельных «колхозников» или миловать?

Давно прошли те события, поля те правда остались, интересно, кто же сейчас убирает на них эти чертовы камни?

ВСТРЕЧА С ИНДИРОЙ

История эта началась в тот день, когда наша первая рота поехала в Таллин в почетный караул к небезызвестному в новейшей истории памятнику, прозванному в народе «бронзовый солдат». Рота должна была стоять в карауле во время возложения венков «дорохим товарищем Индирой Ханди», как любил называть ее бровастый генсек, но я и еще пара человек с нашей роты остались на хозяйстве. Был я тогда освобожден от строевой из-за травмы колена, а Юрка, по прозвищу Сусик, и Алик, которого все звали Старый, тоже остались из-за какой-то хрени.

Ну, в общем, поставили нам задачу почистить после окончания строительных работ новый зал пристройки курсантской столовой. Прибыв туда и оценив масштаб работ, мы привели из главного зала столовой пару первокурсников, несущих вахту в наряде по кухне. Припахав их таким образом на порученную нам работу, мы решили правильно воспользоваться свободным временем и по-своему отметить приезд индийского руководителя. Алик взял у нас рублей так 5-6 и исчез в направлении поселка, получив в наказ взять то, что «дешево и сердито». Через полчаса-час, он, как Ста-

рик Хотабых из кувшина, возник перед нами, отдыхающими на поставленных в ряд стульях. Вещмешок с драгоценной жидкостью он спрятал в раздевалке, а в зал принес в кармане опытный экземпляр. Продукт назывался „Ouna Kange“, что в переводе на человеческий язык означало «Яблочное крепкое». Потом все пошло как всегда, то есть хорошо. Выпив по две бутылки на брата, мы отпустили наших дублеров-первокурсников накрывать на ужин, а сами, изрядно опьянев, решили притопить на массу. В углу стояла какая-то огромная до самого потолка малярная этажерка, на которую мы с Сусиком забрались, дабы укрыться от грозящих в хлам пьяному курсанту неприятностей, коих вокруг было немерено. Проснулся я от того, что наша импровизированное ложе начало сильно трясти. Очнулся и ничего не понимающий с бо-дуна Сусик, внизу к нашему ужасу стоял наш ротный Сергеич.

– Ну-ка, быстро вниз, – приказал он.

Внизу уже стоял, склонив голову как пойманный красными чекистами басмач, пьяно-виноватый Алик.

– Ну-ка, дыхните, работнички! – сказал Сергеич.

– А, ну, все понятно. Шагом марш в казарму, утром ко мне в канцелярию! – добавил он.

На следующий день мы пришли к ротному, ожидая сурового приговора. Сергеич строго посмотрел на нас и поставил нам трудное штрафное задание. Свою вину, как оказалось, мы должны были в буквальном смысле смыть дерьмом. Дело

в том, что в туалете нашей казармы забилося одно очко, и в продолжительное время ни один наряд по роте не мог его освободить для использования. Прибыв в туалет, мы постояли, покурили, подумали. Хоть и не царское это дело в дерьме ковыряться, но что делать!? Выручил опять же «инженерный гений» Старого, он сказал нам подождать и вернулся с какой-то банкой. В банке той были белые куски карбида, как известно бурно реагирующего с жидкостью. Алик положил несколько кусков в очко, налил туда из ведра воды.

– Что-то будет! – решили мы и отошли в умывальник.

Потом Старый чиркнул спичкой и... бааах! И весь потолок в говне, а посреди, похожий на древнего алхимика, Старый, застывший как контуженный.

– Чвак-чвак! – очко одобрительно чвакнуло, потом хрюкнуло и стало снова какабельным и писибельным. В общем, сравнительно легко мы реабилитировались за пьянку. А все благодаря спасительному очку. Но имя Индира запомнилось надолго...

МАША И ИЛЬИЧ

Учился с нами в доблестной 1-ой роте один товарищ по фамилии З. Он был больше известен сокурсникам под целыми двумя кличками – Ильич, потому что к своим 19-ти имел причесон как у всемирно известного вождя мирового пролетариата, и Змей, потому что шипел на попытки сержантского и офицерского состава его вздрочнуть по службе!

Как-то наш четвертый взвод заступил в наряд по училищу, а Ильич как всегда угодил в курсантскую столовую, где незамедлительно изъявил желание нести трудовую вахту в самом сердце столовой-посудомойке, в отсеке, который носил многообещающее название «дискотека» (по переделанным словам песни «крутятся диски» – «миски»)! Ну, и вот долгожданный вечер, первый день наряда подошел к концу. Убрано с бочков вонючая параша, отпидорашены полы, несколько бойцов под вечный рассказ «как бухалось, гулялось и ... блось в отпуске» вяло шкурят картофан в эмалированные ванны на завтрашний обед. Но к часам 24 и они закругляются и по ходу заглядывают на «дискотеку». Там среди пирамид алюминиевых тарелок, бачков и прочей утвари из мочной ванны в клочьях пены торчит лысая и мокрая башка Ильича!

– Ну, че уставились? – зашипел он, сплевывая пену, – надо помыться, а то сами бы тут в жаре и параше попахали, тогда понимали бы! Вы меня не ждите, мне Вадик (дежурный по столовой) разрешил остаться. Я еще потом х/б постираю и на стульях в зале отобьюсь.

Но на стульях он, видимо, не сразу отбился, а лишь к утру, потому как в полшестого был засечен дежурным по тыловому КПП, крадущимся из городка на территорию училища. Об этом незамедлительно было рассказано дневальному по роте, а тот уже рассказал всему наряду по столовой, поднявшемуся с утра на трудовую вахту, коим после недолгих по-

исков в обеденном зале был найден мирно топивший массу на четырех стульях Горыныч, который после дополнительной «ночной вахты» был мало дееспособен. После обещания дежурного, сгнобить в нарядах до выпуска, Змей признался, что, дескать, состоит он в физической близости с посудомойкой Машей – женщиной неопределенного возраста, похожей на бабушку с иллюстрации к русским народным сказкам, которая проживала на территории городка Ягала в так называемом «финском» домике. До сих пор доподлинно неизвестно, так ли это было и, как говорится, «была ли бабушка», и куда на самом деле материализовался Ильич, может, был он и не там и не здесь, а в какой-нибудь параллельной реальности, история и сам герой об этом умалчивают.

После этого случая, когда назначали в наряд, долгое время кто-нибудь выкрикивал:

– Змей, в посудомойку! – сопровождая это характерным движением туловища и руками. А Змей шипел и как всегда делал загадочное лицо. А «в дискотеку» отбивал, однако, еще много и много раз.

ПЕПСИ-КОЛА

Стояла августовская жара восемьдесят какого-то года, вернее последний ее рывок в сезоне уходящего лета. Народ уже не носил пакеты с пивом и плавками, а собирался с силами – кто в школу, кто в институт, а кто на завод. Так и у курсантов нашего училища кончился бесшабашный летний

отпуск – время молодых утех и передышка в суровых армейских буднях. В общем, к полудню весь небольшой городской автовокзал зеленел от курсантских фуражек и парадок. В автобус набивалось курсантов так, что кому-нибудь обязательно прищемляли фалды кителя закрывающейся дверью. Ехать до училища было где-то 40 минут, в течение которых, встретившиеся после отпуска однокурсники, быстро делились друг с другом свежими новостями.

Надо заметить, что у многих старшекурсников праздник как обычно продолжался до утра, ибо запах спиртного от них исходил неистребимый, хотя они и старались убить его зернами кофе или мускатным орехом. В это время на переднем сиденье мчавшегося по ленинградскому шоссе автобуса сидел с видом героя Валера с нашего взвода, носивший, видимо, из-за круглых очков в стальной оправе прозвище Водолаз. Валера был родом из городка Палдиски – закрытой военной базы подводных лодок. Свободное время он посвящал занятиям каратэ, мечтал после училища попасть в Афган, где подобно японскому ниндзя валил бы душманов одним ударом пятки. На самом деле Валера был худым парнишкой невысокого роста и, как принято говорить, весьма интеллигентной внешности. Когда стоявшие рядом сослуживцы Валеры мечтательно обмолвились, что не плохо бы того – слегка вмазать сегодняшним вечером, Валера спокойно, с чувством превосходства сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.